

АРХИПЕЛАГ БЛУЖДАЮЩИХ ОСТРОВОВ

РУСЛАН МАХМУДОВ

Руслан Махмудов

Архипелаг блуждающих островов

«Автор»

2026

Махмудов Р.

Архипелаг блуждающих островов / Р. Махмудов — «Автор»,
2026

В океане Блуждающих Островов карты устаревают за месяц: две луны и прихотливые течения меняют дороги между берегами. Картограф-изгой Леван Сорр обнаруживает закономерность в этом движении и нанимается на корабль контрабандистов. Его цель — найти Нулевой меридиан, мифический остров, где время стоит на месте. Там может скрываться ответ на исчезновение экспедиции, в которой была его сестра. Но путь к тайне проходит через пиратские засады, морские аномалии и бунт собственной команды. Когда расчёты расходятся с реальностью, Левану приходится выбирать между надеждой и доверием людей, чьи жизни зависят от его карт. А неподвижный остров хранит опасность, способную изменить весь архипелаг.

© Махмудов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Убывающая гавань	6
Глава 2. Судовая доля	10
Глава 3. Остров с колоколом	14
Глава 4. Чужой маршрут	18
Глава 5. Между берегами	21
Глава 6. Долгая стоянка	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Руслан Махмудов

Архипелаг блуждающих островов

Архипелаг Блуждающих Островов

Руслан Махмудов

Глава 1. Убывающая гавань

К полудню лестница у Рыбных ворот оказалась на три ступени ниже воды. Продавец угря уже переставил корзины на верхнюю площадку и теперь ругался с женщиной, которая требовала продать ей вчерашнюю рыбу по вчерашней цене. Под лестницей качалась привязанная лодка. С каждым толчком она задевала веслом камень.

Леван Сорр остановился, посмотрел на воду и достал из кармана короткую линейку. Нижний конец опустил к мокрой полосе на стене, верхний прижал большим пальцем. Четыре деления за время, которое потребовалось продавцу, чтобы назвать женщину воровкой.

До соединения лун оставалось шесть суток. По приливному листу вода должна была подниматься медленно до второй стражи. Она поднялась уже сейчас.

Леван спрятал линейку и пошёл к архиву. В сумке лежал законченный расчёт, завернутый в промасленную ткань. Одиннадцать островов, одиннадцать разных путей. Ошибки в их предсказанных положениях были разными, но росли в одном ритме. Если он ошибался, ему следовало проверить исходные числа. Если не ошибался, Резец пересекал восточный подход к Устью раньше назначенного дня.

У архивных дверей писец вынимал из замка толстую медную пластину.

— Мне нужен лист семьдесят четвёртый из зимних промеров, — сказал Леван.

Писец оставил пластину в замке.

— Доступ окончен.

— До вечернего колокола.

— Отменён.

На столе за его спиной стояла чашка с ещё дымящимся отваром. Над чашкой лежало распоряжение, прижатое ножом для бумаги. Леван видел только верхние строки и круглую печать.

— Кто подписал?

— Мастер Роэн.

— У него можно спросить причину?

Писец наконец вынул ключ.

— Если он захочет с вами говорить.

Они знали друг друга четыре месяца. Писца звали Ольт, у него постоянно болел правый локоть, и Леван иногда переписывал для него заголовки на больших листах. Теперь Ольт смотрел на сумку, будто в ней могло оказаться что-то украденное.

Леван положил пропуск на стол. Бесплатный доступ для переплётчика и ремонтника карт, без права снимать копии с закрытых листов. Самый нижний разряд, на который не требовалась действующая печать картографа.

Ольт взял пропуск, но не стал рвать.

— Лучше уйдите, пока привратника нет.

Это уже было сказано по знакомству.

Выйдя, Леван пересёк площадь и поднялся к сигнальной башне. Отсюда виделась почти вся гавань: лес мачт, склады с белыми крышами, три рукава причалов. Дальше, за защитной грядой, стоял Резец. Его берег напоминал обломанный зуб, если смотреть с моря, но с башни был виден только длинный серый уступ и тонкая линия леса сверху.

Острова нельзя было сравнивать по тому, где они находились вчера. Устье тоже двигалось. На официальном листе оба пути наносили относительно звёзд, а расстояние между берегами вычисляли отдельно. Именно в этом вычислении оставалась ошибка: к старому измерению прибавили обычную поправку Резца, хотя в последние недели его путь всё сильнее отклонялся от прежнего.

Леван вынул лист и прижал его к перилам.

— Эй! С платой поднялся?

Смотритель башни вышел из дверцы с огрызком яблока в руке.

Леван протянул последнюю мелкую монету.

— Когда промеряли восточный проход?

Смотритель посмотрел на него внимательнее.

— Сегодня утром.

— Сколько получилось?

— Ты лист покупай. В конторе напротив.

— Кому сообщили промер?

— Там же узнаешь.

Леван узнавал эту последовательность ответов. Сначала человек не хотел терять время. Потом замечал выжженный знак на старой кожаной сумке: розу направлений с перечёркнутым лучом. После этого разговора уже не было.

На море картографа узнавали по печати. Лишённого печати — по тому, что от неё осталось.

Он спустился к пристани. У лодки под Рыбными воротами стояла женщина в выгоревшем синем кафтане. Её седые волосы были стянуты шнурком, на левом запястье болталась петля для короткого ножа. Двое грузчиков передавали ей узкие ящики.

— Вы через восточный проход? — спросил Леван.

Она не обернулась.

— Смотря кто хочет знать.

— Он закроется до второй стражи.

— По листу — завтра.

— Лист составлен по трёхдневному промеру.

— По сегодняшнему. Я купила утром.

Она поставила ящик в лодку и повернулась. На щеке у неё белел старый шрам, короткий и неровный, как след плохо снятой стружки.

— Покажи свой.

Леван развернул расчёт.

Женщина не взяла его, только наклонилась. Прочла дату, посмотрела на стрелки. Потом перевела взгляд на сумку.

— Сорр?

Он кивнул.

— Тот самый?

— Других в картографах не было.

Она выпрямилась.

— Мне нужно отвезти груз на судно. Оно стоит за грядой. Если проход закроется, почему башня не бьёт?

— Потому что я пока говорю о расчёте.

— Вот и считай. У меня прилив.

Она прыгнула в лодку. Грузчик отдал конец, женщина подхватила его и уложила бухтой под ноги. Леван посмотрел на восточную воду.

Между грядой и Резцом проходили полосы пены. У входа в гавань они обычно расходились веером. Сейчас две полосы сходились, и за ними тянулся бурый шлейф. Вода обдираала водоросли с погружённого склона острова.

Лодку уже оттолкнули.

— Подождите, — сказал Леван.

Женщина подняла весло, готовясь выгresti из тени лестницы.

Он спрыгнул на кормовую банку. Лодка осела; один из грузчиков выругался. Женщина шагнула к нему, но Леван успел снять с борта второй конец и набросить петлю на выступ стены.

— Слезь.

— Посмотрите на пену.

— Слезь с моей лодки.

Он не стал удерживать её руку. Указал за гряды.

Она посмотрела. В гавани скрипнули сразу несколько натянувшихся швартовов. Леван чувствовал, как лодку тянет вдоль стены, хотя прилив прежде прижимал её к ступеням.

Женщина положила весло.

— Держи конец.

Она достала нож и перерезала верёвку на ящиках, которыми грузчики придавили длинный багор. Освободив его, упёрлась в стену и отвела нос от камня. Леван травил конец рывками, пока лодка не встала по течению.

Первый глухой удар колокола пришёл с башни.

Второй прозвучал, когда вода между грядой и Резцом поднялась белым бугром. Оттуда вышла пустая рыбацкая лодчонка. Она катилась боком, за ней волочилась сломанная мачта. Ударившись о камни, лодчонка раскололась. Ничего крупнее бочки после этого из прохода не вышло.

Женщина опустила багор.

— Сколько до закрытия западного?

— Не знаю.

— Ты же предсказал этот.

— Для западного у меня нет промера.

Она помолчала, глядя на разбитую лодку.

— Если на судне есть лоцман, он сможет проверить. Нужно сравнить воду у гряды и вдоль северного берега, — добавил Леван.

— Есть.

Она подала ему весло.

— Тогда греби. Я Мара.

К судну они пошли вдоль складского берега, держась в тихой полосе под стеной. На первой пристани им пытались махнуть портовым флагом, на второй окликнули по имени капитана. Мара не отвечала. Она смотрела на течение и время от времени указывала Левану, где сделать следующий гребок.

«Ласточка» стояла за северным плечом гряды. Судно было ниже гильдейских грузовиков, с узкой кормой, двумя мачтами и тёмной заплатой на гроте. С берега его скрывал один из складов. Леван сразу увидел, что корабль не готовился к долгой стоянке: паруса лежали на реях распушенными для подъёма, якорный канат был выбран почти до клюза.

Мара поднесла к губам свисток.

Через минуту на борту появился широкоплечий человек с тяжёлой седой бородой.

— Уже слышал, — сказал он вместо приветствия. — Тавия проверяет север. Там идёт отжим.

— Подними ящики. И этого тоже.

Человек посмотрел на Левана.

— Это груз?

— Пока не выяснила.

Леван полез по свисающей лестнице, придерживая сумку локтем. На палубе пахло смолой, мокрой верёвкой и горячей крупой. Из люка выглянула женщина с половником. В носовой части двое матросов поднимали шлюпку, ещё один разматывал тонкую мерную снасть.

Возле компасной стойки стояла девушка с рыжеватыми волосами, коротко остриженными у висков. Она прижимала к доске текущую портовую карту.

— Ты сказал, что восток закроется? — спросила она.

Леван кивнул.

— Когда?

Он показал строчку в расчёте.

— Ошибся почти на четверть стражи, — сказала девушка. — В раннюю сторону.

— Для Резца взял старую скорость. Новую мне не дали.

— А откуда новая поправка?

— Из чужих ошибок.

Она подняла глаза.

— Из разницы между расчётом и промерами одиннадцати островов, — исправился Леван.

— Вот так понятнее. Тавия Рин.

Она протянула руку. На её указательном пальце была чернильная полоса, на ладони — старая верёвочная мозоль.

Мара подошла к ним.

— Мне надо на Келл до соединения. Восточный путь потерян. Северный по листам пустой. Сможешь провести?

Леван посмотрел на карту. Келл отмечался в шестистах милях, но это было расстояние по вчерашней линии. За шесть суток оба острова могли уйти достаточно далеко, чтобы прибавить к пути ещё день.

— С промерами. И с её помощью.

— За помощь сама заплачу. С тебя маршрут.

Тавия не отступила от карты.

— Начнём с выхода. За пределами северной гряды кто-то тянет воду к себе. Я не вижу острова.

Леван разложил расчёт рядом с официальным листом. Кончиком карандаша отметил три точки, между которыми не было ни одной прямой линии.

— На первом промере смогу сказать, можно ли идти дальше. До него нужно держаться за грядой.

Мара опёрлась ладонями о край доски.

— Плату обсудим там. Если обманешь, обратно повезёшь себя сам.

— Если промер будет плохой, я скажу сразу.

— Запомню.

Ему отвели место у кормового люка. Когда подняли якорь, Леван сел на пустой ящик и попытался укрыть листы от ветра. Пальцы ещё дрожали после гребли. В маленьком отделении сумки лежала деревянная пуговица с четырьмя отверстиями; он машинально коснулся её сквозь кожу.

Последний раз Эна просила его пришить эту пуговицу за ночь до выхода «Вереска». Он сказал, что занят, и отдал ей иглу. Она вернула пуговицу, решив заменить старую другой.

Восемь лет спустя старая всё ещё была у него.

— Парус выбирай! — крикнули у мачты.

Леван убрал руку от сумки и прижал карту обеими ладонями. «Ласточка» уже отходила от берега. На башне били тревогу; за кормой один за другим исчезали под водой нижние зубцы гряды.

Глава 2. Судовая доля

У северного конца гряды Тавия приказала убрать половину паруса. «Ласточка» потеряла ход, и Леван впервые почувствовал движение воды отдельно от движения судна: под килем тянуло влево, тогда как ветер давил в правую щёку.

— Вот здесь, — сказала Тавия.

Она отдала матросу верёвку с привязанным к ней деревянным крестом. На перекладинах сидели свинцовые грузики. Другой матрос перевернул маленькие песочные часы.

Крест лёг на воду за кормой. Верёвка скользила сквозь ладонь; через равные промежутки на ней попадались узлы. Тавия считала, глядя на береговой уступ.

— Четыре и половина, — сказала она, когда песок иссяк.

Леван записал число. Если двигаться на восток, снос прижимал судно к гряде. Северо-западный курс давал достаточно места, но в семи милях лежала опасная отмель — если она ещё находилась там, где её нанесли на карту.

— Ещё раз? — спросил он.

Тавия кивнула.

Они повторили измерение. Крест ушёл немного быстрее. Леван снова свёл числа и положил карандаш.

— Нужно идти на северо-запад полторы мили, потом взять север. Отмель будет слева.

— На сколько?

Он посмотрел на пустую строку, в которой должен был стоять новый промер.

— Меньше мили. По старому положению.

Тавия потянулась к другому ящику. Там лежала тонкая верёвка с плоским грузом, покрытым жиром.

— Значит, пойдём со дном под рукой.

В этот момент Мара могла сказать, что нового картографа достаточно испытали. Она вместо этого позвала Дарека. Широкоплечий бородач, поднявший Левана из лодки, принёс дополнительную снасть и отправил матроса на нос. Он делал всё без вопросов; только на миг задержал взгляд на развёрнутом расчёте.

— Считаешь, что отмель ушла? — спросил он.

— Считаю, что не могу обещать, где она.

— Уже хорошая новость.

Дальше они шли медленно. Матрос на носу раскачивал груз над водой, отпускал и выбирал верёвку, называя глубину. На первом броске к жиру пристал мелкий белый песок. На втором — серый ил. Тавия сменила курс на два румба, и следующий груз пришёл чистым.

Отмель осталась за кормой. Удерживая судно на ветре, Мара дала поднять парус целиком. Леван оглянулся на Устье. Между ними и портом уже не было сплошного берега, только отдельные серые зубцы, а над складами торчали верхушки башен.

— Полторы мили и север, — сказала Тавия. — Совпало. Но отмель ближе, чем у тебя.

— Её днище другое. Для неё нельзя брать задержку Резца.

— Ты взял?

— У меня была только задержка Резца.

Она забрала карандаш с карты и поставила рядом с отмелью крестик.

— Здесь я запишу своё. Чтобы завтра никто не принял старое за новое.

Левану хотелось объяснить, что это временная схема, что вопросительный знак в его записи означал именно отсутствие достоверного положения. Но Тавия уже нанесла часы измерения и глубины. Он подвинул ей чистую полоску бумаги.

К вечерней трапезе море стало ровнее. Рута раздавала кашу из котла, укрепленного в железном кольце. У самого котла стояла чистая доска, и каждый, кто подходил за второй миской, оставлял на ней свой деревянный жетон.

Леван не знал этого порядка и остался с пустой посудой.

— Новому полагается первая, — сказала Рута. — Вторую попросишь после договора.

Она зачерпнула ему ещё немного со дна и отправила к корме.

Мара сидела там с книгой на коленях. Дарек стоял рядом; Тавия присела на бухту, поджав одну ногу. К ним подошли матросы. Никто не вытянулся перед капитаном и не снял шапку.

— Двенадцатый, — сказала Мара. — Келл, один рейс. Проход проверил. Остальное будем проверять. Плата — полдоли из чистого остатка, еда и место. До конца договора подчиняется на палубе, в расчёте отвечает за свои числа. Кто против?

Леван открыл рот, но она подняла палец.

— Сейчас команда.

Человек с выбитыми передними зубами спросил:

— Из чьей половины?

— Из моей, Йор.

— Тогда мне всё равно.

Молодой матрос со смешно длинной шеей пожал плечами. Плотник, сидевший на краю люка, посмотрел на Левана.

— А если Келл не найдём?

— До соединения дойдём или раньше откажемся от пути, — сказала Мара. — Я груз по воде без дела не возила и не собираюсь.

— Я о его плате.

— Только из остатка после продажи. Нет остатка — нет полдоли.

Дарек перевернул страницу и повернул книгу к Левану.

— Теперь ты. Прочти всё.

Договор занимал четыре плотные страницы. Помимо долей там говорилось о воде, травмах, починке судна, ответственности за драку и праве команды потребовать совет. Капитан выбирал курс и распоряжался работой, но не мог менять грузополучателя или район рейса без согласия двух третей долей. Если судно попадало в опасность из-за скрытой капитаном сделки, Дарек собирал совет без её разрешения.

Леван прочёл эту строку дважды.

— За долги, о которых нас не предупредили, мы не умираем, — сказал Дарек. — За наши можем. Разница важная.

— А если счёт неверен?

— Ошибки разбираем после. Спрятал опасность — разбираем сразу.

Леван посмотрел на Мару. Она спокойно держала книгу, не делая вида, что эти условия её оскорбляют.

— Я не знаю северного пути целиком, — сказал он. — У меня есть метод, который сработал на Резце и частично на отмели. Для других островов понадобятся собственные измерения. Я не могу обещать срок до того, как мы увидим Медь.

Капитан постучала по обложке.

— Срок до Келла обещаю я. Тебе нужно сообщать, где твоя граница.

— Тогда нужна остановка у Меди.

Тавия кивнула:

— Нам всё равно туда. Без её колокольни ночью через Сухую воду не пойдём.

Леван подписал договор. Мара дала ему медный жетон с неглубокой зарубкой на ребре.

— Рута считает людей, а не аппетит. Не теряй.

Теперь он мог получить вторую миску. Каша уже загустела, и Леван ел её стоя у борта, пока плотник чинил рядом сломанное ведро. Между коленями у него лежали тонкие клёпки, на плече поблёскивали опилки.

— Бран, — представился он, не поднимая головы. — Я спрашивал про твою плату.

— Ты на Келл?

— Домой. Два месяца не был.

— Тоже доля?

— Жена. Она пока не умеет делить меня на чистый остаток.

Бран прижал обруч деревянной колотушкой. Последние слова он сказал без улыбки, и Леван не понял, шутка ли это.

— Груз для неё?

— Для половины острова. Семена и горькая кора. Весной не довезли. Старый путь закрыт, новый обходился дороже урожая.

— Почему контрабандой?

Плотник посмотрел на него.

— Карты рисовал, а сборов не видел?

Леван когда-то видел таблицы: плата за новый лист, подтверждение пути, разрешение на доставку, причальный сбор. Для официального экспедиционного корабля всё оплачивалось сверху, и он редко думал, что стоит в конце этой цепочки.

— Видел, — сказал он. — Не считал для такого рейса.

— Посчитаешь. Если у нас останется та самая полдоля.

Он выбил клин из ведра и налил в него воды. Капли выступили в одном месте. Бран вылил воду, молча вынул клёпку и взял другую.

Позже Леван вернулся к доске. Тавия сравнивала два набора часов. Одни были узкие, морские, укреплённые в плетёном кожухе, другие широкие и медленные.

— Бегут? — спросил он.

— Узкие на три удара быстрее. После Устья всегда проверяю. Песок сыреет от гавани.

— Тогда наши измерения...

— Я учла. Но ты проверишь отдельно.

Она подвинула ему часы. Леван поставил их на сухую доску, перевернул вместе с широкими и начал считать по собственному пульсу. На шестидесяти запутался, начал снова. Тавия уже записала сравнение.

— Пульс плохая мера, — сказала она. — Особенно сегодня.

— Знаю.

— У нас на Меди есть постоянный маятник. По нему сверим оба.

Леван смотрел, как падает песок. Остаточная поправка к движению островов не исчезала при поправке на часы. Он положил рядом два промера северного выхода и попытался отделить то, что измерили, от того, что ожидал увидеть.

Тавия некоторое время молчала. Потом указала на едва заметную линию, проведённую через поля старых листов.

— Это ты куда ведёшь?

Леван мог ответить: к неподвижному центру всех путей. Он пока не имел права.

— Здесь пересекаются продолжения поправок. Если у них одна причина, она может быть там.

— Сколько таких пересечений?

— Одно тесное. Остальные расходятся.

— И что в нём?

— Не знаю.

Она взяла циркуль и накрыла точку небольшим кругом.

— Тогда рисуй область. У тебя линии толще ошибки измерения.

Леван посмотрел на аккуратный круг и впервые за день усмехнулся. Именно за такую поправку он восемь лет назад выгнал бы помощника из-за стола.

— Подвинь свет, — попросил он.

Они просидели до смены вахты. Ним, длинношейм матрос, принёс завернутый в мешковину хлеб и попросил не оставлять огонь без присмотра. Тавия потушила свечу, прежде чем уйти.

К ночи Левану отвели гамак рядом с Браном. Там было тесно; когда плотник переворачивался, гамак задевал Левана за плечо. Уснуть он не мог. Он привык к неподвижному столу, к комнате над переплётной мастерской, где ночью было слышно только, как хозяин кашляет за стеной.

Теперь над головой двигались ноги людей, согласившихся взять его за полдоли.

Он достал жетон, нащупал ногтем зарубку и положил его обратно. Впервые после отзыва печати его подпись снова что-то значила. Завтра на Меди нужно было измерить движение острова с начала до конца, не подгоняя ни одного числа.

Глава 3. Остров с колоколом

Медь показалась в утреннем тумане сначала звуком. Три тяжёлых удара, пауза, ещё один. Тавия подняла руку, и матрос у правого борта повторил последовательность на маленьком корабельном колоколе.

— Можно подходить, — сказала она. — Есть вода с юга.

Из тумана вышла башня. Она стояла на узкой скале, а дальше к морю спускался травянистый склон с единственным домом. Деревянный причал был поднят на столбах; под ним белели полосы водорослей, оставшиеся после ночного прилива. Устье исчезло за кормой ещё до рассвета. Всю ночь Тавия держала «Ласточку» в широкой петле, обходя Сухую воду: мелкий каменный остров без берега, который можно было бы увидеть с палубы.

На карте Медь выглядела совсем маленькой. Теперь Леван видел фруктовый сад над домом, огороженный участок с козами и тропу, ведущую от колокольни к причалу. Вдоль тропы были вбиты столбики с горизонтальными насечками.

— Чьи уровни? — спросил он.

— Старик Эст измеряет всё, что можно не продавать Гильдии. Держись с ним вежливо. И карты сразу не раскладывай.

Мара поставила «Ласточку» на якорь у южной подводной полки острова. К причалу пошли в шлюпке четверо: Тавия, Леван, Ним и Бран. Плотник нёс на плече связку дубовых реек. Оказалось, за право сверить часы и взять воду Мара обещала починить раму колокольного навеса.

Эст ждал их у верхней ступеньки. Он был невысок, тонок и очень ровно держался, хотя одной ногой опирался на деревянную подошву толщиной в две ладони.

— Это твой помощник? — спросил он Тавию.

— На этот рейс.

— Он старше тебя.

— Зато хуже знает, где лежат часы.

Старик посмотрел на Левана, на сумку, потом снова на Тавию.

— Мара всё-таки его взяла.

Леван задержался на ступени.

— Вы знали, что я здесь?

— Видел с башни. В трубу ещё можно отличить человека от бочки. Особенно когда человек обнимает эту сумку.

Эст развернулся и пошёл к дому. Ним остался помогать Брану, а Тавия кивнула Левану, чтобы следовал за ней.

В доме было сухо и прохладно. В окне висела мелкая сетка, пропускавшая свет, но задерживавшая мух. Возле стены ходил маятник: каменный груз на длинной металлической подвеске. За ним на штукатурке были процарапаны две вертикальные черты.

Эст положил на стол доску для часов.

— Сначала убедимся, что ночью не сдвинуло крепление.

Он проверил отвес и только после этого запустил маятник. Леван смотрел, как груз проходит между чертами. Когда-то в гильдейской палате ему объясняли, почему постоянная длина даёт постоянный счёт. Здесь эту длину берегли почти так же, как пресный источник за домом.

Тавия поставила песочные часы. После трёх сравнений записала новую поправку. Леван повторил её измерения на отдельном листе. Разница составила меньше половины удара.

— Теперь его расчёт, — сказала она.

Эст повернулся к Левану.

— Прошлый твой расчёт я видел на стене в портовой конторе.

Леван понял, о каком листе он говорил. На стене висела не карта «Вереска», а извещение об отзыве печати с перечнем причин. Ошибка в определении скорости течения. Самовольная замена результатов наблюдения. Последствия для экспедиционного судна и людей на нём.

— Этот проверяется здесь, — сказал Леван.

— Все так говорят до выхода.

Тавия поставила локоть на стол.

— Поэтому мы и не вышли. Дайте промерить Медь.

Старик принёс из шкафа тетрадь, переплетённую в толстую серую ткань.

— Моих чисел в вашей бумаге не будет.

— Могу не указывать имя, — ответил Леван.

— Имя пиши. Ложной гильдейской печати рядом не ставь.

Он отодвинул чашку, чтобы освободить место, и раскрыл тетрадь.

Промеры в ней начинались девятнадцать лет назад. Каждая строка содержала высоту двух известных звёзд, положение края острова по отношению к звезде, приливный уровень и ветер. Дни, когда небо закрывали тучи, были оставлены пустыми. В отдельных строках старик записывал болезни, починку башни, смерть первой козы. Леван сначала счёл эти заметки постоянными, но через несколько страниц понял: ими объяснялось отсутствие измерений, которое иначе могло выглядеть странно.

Тавия читала через его плечо.

— За три последние месяца ты нигде не выходил за обычную петлю, — сказала она Эсту.

— Выходил. На восемь минут к западу.

Леван поднял голову.

— По высоте звёзд?

— По сумме. Они обе так показывают.

Поправка укладывалась в найденный ритм, хотя была больше, чем у Резца. Леван развернул свой лист, но не стал наносить число сразу. Сначала попросил дать трубу и угломер.

— У меня свои, — сказала Тавия.

— Хочу сравнить с береговыми.

Она некоторое время смотрела на него, потом кивнула.

Приборы проверили на одном и том же участке башенной стены. Один из угломеров давал немного больше. Леван уже начал записывать поправку, когда Тавия показала на штифт.

— Здесь ослабло.

Она подтянула маленькую гайку, снова приложила прибор к стене и получила прежнюю меру без отклонения.

— Если бы ты поправлял по этому всё остальное, как бы узнал? — спросила она.

Он посмотрел на зачёркнутое число.

— По следующему независимому измерению.

— Значит, пока не нашли причину, его вообще не берём.

Они поднялись к колоколу. Над морем появились просветы. Эст показал, откуда мерил ночью яркую звезду Копья, и дал сравнить неподвижный угломер со своими записями. Затем повернул трубу к северу и показал Левану край Сухой воды. Этот пеленг они мерили по очереди, стараясь не подсказать друг другу результат.

Камень едва выступал над поверхностью. Время от времени волна закрывала его целиком. По обе стороны лежали полосы сравнительно гладкой воды, а за ними ломались мелкие гребни.

— По середине не иди, — сказал Эст. — Днище тянется далеко на юг.

Леван сравнил расстояние и пеленг с тем, что ожидал. Сухая вода ушла меньше Меди. Величины отличались, как и должно было быть у островов с разными днищами, но ритм изменения оставался общим.

Он попросил чистый лист. Тавия нашла в кармане обрывок счёта за парусину, перевернула его и отдала. Леван сделал два коротких вычисления.

— С твоей поправкой между ними можно пройти до вечера, — сказала она, следя за карандашом. — Без неё мы бы уже разворачивались.

— Сначала вода по внешнему краю.

Она усмехнулась.

— Мне нравится сегодняшний помощник.

Эст не улыбался. Он смотрел через трубу южнее «Ласточки».

— Снимайте свои числа быстрее. Мои гости тоже не любят опаздывать.

Леван приложился к окуляру. В просвете между дымкой и водой стоял высокий белый парус. Под ним темнел тонкий корпус. Судно шло вдоль берега, приближаясь к сигнальному шесту на западном уступе.

— Патруль? — спросила Тавия.

— Связной катер. У них сегодня очередной мешок.

На уступе был навес, где маячные смотрители держали донесения для Гильдии. Эст сообщал об этом без стыда: за масло для большого огня нужно было платить, а катер привозил масло и забирал текущие сведения.

— Они вас опрашивали обо мне? — спросил Леван.

— В прошлый приход. Искали человека, который сверяет чужие промеры без печати. Я сказал, что такого не видел.

— А сейчас?

Старик убрал трубу.

— Сейчас видел. Но они ещё не спросили.

Тавия уже спускалась по лестнице.

Возле навеса Бран закреплял последнюю рейку. Ним сидел на корточках и держал в зубах лишний деревянный нагель. Тавия велела им собираться. Бран попробовал новую раму обеими руками, стряхнул стружку с рукава и не стал задавать вопросов.

Эст вынес небольшой свёрток. Внутри лежали листы, переписанные крупной аккуратной рукой.

— Последние девяносто дней. Три оборота Лады, пять Сива. Обе луны снова прошли через те же фазы, а мои края с прежними не сошлись. Дальше разбирай сам.

Леван взял свёрток.

— Я оставлю копию результата на Келле.

— Оставь, если есть результат. Письма о том, что ты почти дошёл, мне не нужны.

Он придержал Левана за локоть, пока остальные спускались.

— Ты ведь узнал, почему твою печать перечеркнули?

— Да.

— Тогда не спорь с этим до конца жизни. Сделай так, чтобы больше не было за что.

Леван спустился к шлюпке. Он не хотел слышать от незнакомого человека то, что говорил себе каждую ночь после «Вереска». Но в сумке лежали девяносто дней чужой работы, подаренные ему вопреки этому прошлому.

На судне Мара посмотрела новый маршрут и отправила Дарека к якорю. Связной катер стоял ещё далеко, возле западного уступа. У него поднимали маленький сигнальный флаг.

— Успеем? — спросила Мара.

— При таком ветре к вечеру выйдем за Сухую воду, — сказала Тавия. — Потом юго-восток. Он останется западнее.

Леван развернул чистую карту. Поставил дату, часы промеров и широкую полосу, внутри которой мог лежать путь. Мара провела пальцем между краями полосы, проверяя запас для поворота, и одобительно кивнула.

Пока «Ласточка» поворачивала на ветер, Леван убрал лист Эста во внутреннее отделение сумки. Не к расчётам, а к исходным наблюдениям. Затем достал карандаш и написал рядом с медным маяком имя смотрителя полностью, с датой.

Глава 4. Чужой маршрут

После Меди никто не мешал им почти сутки. «Ласточка» обогнула Сухую воду, легла на юго-восток и вошла в полосу ровного ветра. Ним заштопал разрыв в малом парусе; Бран выстругал запасную ручку для помпы. Леван помогал Руте переносить мешки крупы, потому что от волнения всё равно не мог сидеть над числами дольше часа.

На дне грузового отсека лежали шесть бочек питьевой воды. Рута объяснила, что две дальние запечатаны на случай вынужденной стоянки, остальные расходуются по очереди. Она позволила ему брать воду только из одной.

— На своей половине доли можешь выкупить хоть весь котёл, — сказала она. — Эти пробки без меня не трогай.

Вторую ночь Леван спал лучше. Проснулся от короткого толчка в плечо. В проходе между гамаками стоял Дарек.

— Вставай. На палубе нужен светлый ум.

Наверху занимался рассвет. Тавия держала трубу, Мара стояла у руля. На юго-востоке темнел берег — остров Теснина, за которым открывалась старая дорога к Келлу. Дальше к востоку, почти под самой линией облаков, шли два судна.

Первое было низким и широким, с короткими мачтами. Второе несло высокий косой парус. По его верхнему краю тянулась тёмная полоса.

— Рыбаки? — спросил Леван.

Мара ответила не сразу.

— Рыбаки не держат друг друга с двух сторон пролива.

Она взяла трубу у Тавии. Леван развернул текущую карту. Между Тесниной и южной группой лежал широкий проход; в обычные дни через него могли разминуться десятки судов. Сейчас на линии подхода как раз стояли незнакомые корабли.

— Чёрная верхняя кромка, — сказала Мара. — У Ворна была красная. Перекрасил или другой хозяин.

Дарек посмотрел на неё.

— Ты уверена?

— Слишком тяжело сидит носом. Держит абордажную команду впереди.

На «Ласточке» убрали светлый флаг с кормы. Матросы достали из длинного ящика короткие копия и несколько тяжёлых арбалетов. Леван хотел спросить, хватит ли их для двух судов, но увидел лицо Тавии и промолчал. Она уже считала расстояния.

— Если держать восток, подрежут, — сказала она. — Если запад — тоже. Они стоят у обоих концов.

Мара повернула трубу чуть выше.

— Они ждали до того, как увидели нас.

Дарек ушёл к матросам. Тавия осталась у доски. Она нанесла положения преследователей на карту и подвинула её Левану.

— Ты знаешь другой путь?

Леван видел такой путь. Между Тесниной и Угольным островом оставался узкий промежуток. На старом листе там стояла пометка: «Открывается при расходе Лады». До соединения лун было четыре суток; по обычному ритму проход закрывался.

Он нанёс поправки по новым промерам. Срок изменился. Теснина шла к югу медленнее прежнего, Угольный только начинал свой северный ход. Промежуток мог ещё оставаться открытым.

— Здесь. Но не знаю ширину подводных полок.

— Сверху выглядит широко, — сказала Тавия. — Внизу камень на камне. Мне нужен хотя бы внешний промер.

— У нас есть время?

Она посмотрела на паруса.

— Если сейчас возьмём север, примерно два часа до их курса. Они будут быстрее нас с грузом.

Мара подошла к доске.

— Через узкий пройдем?

Леван показал расчёт, не закрывая неизвестные строки ладонью.

— Должен быть открыт. Но на карте только берег. Где сейчас его края под водой, мы ещё не знаем.

— Тавия?

— Подойдём, измерим, решим. Если не пойдёт, можно встать у северной полки Теснины. Там хотя бы нас не возьмут с двух сторон.

— Возьмут с одной, — сказал Дарек, возвращаясь.

— С одной удержим дольше.

Мара отдала команду поворачивать. Парус поднялся с тяжёлым хлопком. Леван упёрся коленом в доску, чтобы карта не соскользнула.

Через полчаса дальние суда сменили курс. Высокий парус пошёл к их прежней дороге, широкий корпус лёг на север. Леван смотрел, как они разделяются, и чувствовал бессильную досаду: кто-то уже сделал этот расчёт за них, только пользовался им, чтобы закрыть проход.

На корме Мара и Дарек говорили вполголоса. Потом боцман громко произнёс:

— Селк?

Капитан не ответила. Она смотрела на низкое судно, сокращавшее расстояние.

— Ты ему должна? — спросил Дарек.

— За прошлогоднюю починку. Последний платёж после Келла.

— Сколько?

Мара назвала сумму. Дарек выругался.

— В книге есть. На моей доле, — сказала она.

— В книге цифра. Откуда у него наш путь?

— Я покупала у него кору.

— И сказала, куда повезёшь?

— Он продавал её для Келла. Знал срок.

Дарек оглянулся на матросов. Те не делали вид, что не слушают.

— Нельзя платить долг нашим грузом, — сказал он.

— Я и не собираюсь. Ему выгоднее, чтобы мы доставили и заплатили.

— Если он уже продал расписку, ему всё равно.

Теперь Мара наконец повернулась к нему.

— Пока не знаем, кто там. Но ты прав: сведения о рейсе были у Селка. Долг ему мой, доля команды не заложена.

Это прозвучало как обещание, которое при необходимости придётся подтверждать документом. Дарек коротко кивнул, но не ушёл.

У северной полки Теснины вода стала зеленоватой. Остров поднимался над морем плоским полем, по краю которого росли кривые деревья. На одном из них висел старый канат. Когда-то здесь причаливали; возможно, путь открывался чаще, чем говорила карта.

Тавия велела Ниму бросить груз. Из глубины пришёл крупный песок, потом осколок чёрного камня. Следующий бросок дал меньше саженей.

— Не прижимайся, — сказала она Маре.

За кормой низкое судно подняло узкий белый флаг. Под ним появилась зелёная полоса. Дарек снова выругался.

— Требуется лечь и ждать осмотра.

— Гильдейский? — спросил Леван.

— Флаг гильдейский. Люди нет.

Мара не изменила курса. Бран вышел из люка с мешком клиньев, положил его возле помпы и проверил крепление крышки. Рута подняла наверх два кожаных ведра.

Леван посмотрел на них обоих.

— Зачем вода?

— Если зажгут парус, будем тушить, — ответила Рута.

Она говорила спокойно и смотрела мимо него, туда, где Йор натягивал арбалет. Леван отступил от ведра, чтобы не мешать.

Низкое судно подошло достаточно близко, чтобы различить людей в носовой части. Один поднял длинную трубу к лицу. Его голос долетел над водой отдельными кусками.

— ...долг... Селка... Вель... остановиться!

Мара ничего не ответила. Дарек взял трубу.

— Капитан платит по сроку! Судно и груз не в закладе!

В ответ над чужим бортом поднялся арбалет. Тяжёлый болт ударил в воду за кормой, недолетев несколько длин судна.

— Слышал, что они считают договором? — сказал Дарек Маре.

Она не ответила. Повернулась к Тавии:

— Сколько у нас до края?

— Миля с четвертью. Потом узкий. С течением быстрее.

Леван ещё раз пересчитал относительную скорость островов. Она зависела от направления жил под днищами; общего ритма было недостаточно, но промеры Эста уменьшали разброс. Лист обещал несколько часов. Течение перед носом обещало гораздо меньше.

— Мара, — сказал он. — Если вода усилилась, всё закроется раньше.

— Насколько?

— После замера скажу.

Капитан бросила взгляд на берег, потом на преследователя.

— Делайте сейчас.

Тавия отвела для промера Йора; Ним остался на носу. Леван держал часы, пока деревянный крест уходил за корму. Узлы проскользнули быстрее, чем у Устья. В конце верёвка натянулась так резко, что Йор едва не упустил её.

Тавия назвала число. Леван записал, сравнил с береговым пеленгом и понял, что считал время закрытия по слишком мягкому краю.

— До полного смыкания не меньше двух часов, — сказал он. — Но безопасная ширина может исчезнуть раньше. Я не знаю, как далеко выступает Угольный.

— Значит, решаем на входе, — сказала Тавия.

Мара отдала руль Дареку и вышла вперёд.

— Всё свободное вниз. Ним, бери запасную верёвку. Бран, приготовься к удару днищем. Остальные — по своим местам.

Леван свернул листы. На обороте счёта за парусину оставил только время, скорость и два пеленга. Большая карта здесь уже не помогала.

Он спрятал её в сумку, но сумку не понёс к своему гамаку. Пристегнул ремнём к стойке у доски, чтобы при первом толчке не искать бумаги под ногами.

За кормой снова свистнул болт. Этот дошёл до судна и застрял в верхней доске борта. Древко ещё дрожало, когда впереди, между чёрными берегами, показалась полоса бурой воды.

Глава 5. Между берегами

На входе вода шла вдоль обоих берегов в одну сторону. Леван ждал встречных струй и сразу понял, что слишком мало знает о форме подводных склонов. Бурый шлейф не показывал середину пути. Он тянулся от Угольного, где течение обдирало рыхлый камень, и мог скрывать широкую полку.

Тавия забрала у него часы.

— Иди на нос. Скажешь, что видно впереди. Здесь я сама.

— Угольный может выступать дальше...

— Вижу. Иди.

На носу Ним мокрыми руками выбирал верёвку. Свинцовый груз ударил о борт и оставил серый след.

— Семь! — крикнул он. — Чёрный песок!

За пологим берегом Угольного возвышалась широкая каменная спина. Растительности на острове почти не было, только возле верхнего края росло несколько тёмных кустов. На другой стороне узкого дерева Теснины наклонялись к воде. Казалось, два берега были одного роста, но Теснина стояла на крутом днище, а Угольный сползал полкой.

Леван привязал к поручню две тонкие верёвки. По ним можно было видеть, как меняется угол между носом судна и дальним выступом. Ним бросил груз снова.

— Шесть!

Вода потемнела. Леван крикнул Тавии, что глубина падает с правой стороны. Она подняла руку, и Дарек повернул судно ближе к Теснине. Между ними и ветвями осталось достаточно места, чтобы пройти на вёслах, но «Ласточка» шла с парусом, а берег двигался им навстречу.

Мара, стоявшая на несколько шагов позади, посмотрела вверх.

— Убираем грот. Хода хватает.

Парус опустили. На корме хлопнула снасть, и судно на миг повело вбок. Дарек удержал руль. Ним уже готовил следующий бросок.

Над палубой пролетел болт и ударил в ствол дерева на Теснине.

Леван пригнулся. На чужом судне люди стояли в носу, прижимая оружие к борту. Они сблизились ещё на несколько длин корпуса. Если те решатся войти в узкий, «Ласточка» не сможет развернуться к ним.

— Не смотри туда! — крикнула Мара. — Вперёд!

Ним бросил груз.

Пять с половиной.

Полоса мутной воды пересекала их курс. За ней маленькие волны шли косо, ломались, снова выпрямлялись. Леван увидел светлое пятно и принял его за камень. Потом пятно вытянулось, повернулось боком и стало ясно, что это вырванный корень.

— Впереди дерево! — крикнул он.

Мара послала Йора с багром. Тот прошёл по узкой доске у борта, зацепил корень и оттолкнул его. Следом из воды вышла ещё одна ветка. В её листьях висела чёрная грязь с подводного уступа.

Ним приготовился к новому броску, но верёвка перепуталась под ногами. Леван подхватил бухту, расправил два перекрестившихся витка. Груз ушёл уже ближе к середине судна.

— Четыре!

Бран, стоявший возле люка, шагнул к помпе.

До днища оставалось слишком мало. Тавия велела держаться левее. Дарек повернул руль, но «Ласточка» не сразу подчинилась. Течение давило в корму и пытались развернуть судно поперёк прохода.

Леван видел, как сходятся линии его верёвок. Дальний выступ Теснины двигался быстрее ближнего. Это было обычное следствие их хода, но поверх него оставалось небольшое дополнительное движение, заметное уже глазом.

— Теснина идёт на нас, — сказал он Маре.

— Сколько места впереди?

На бумаге место ещё было. Леван посмотрел поверх бумаги.

Два низких выступа почти сходились, образуя каменные ворота. Между ними по воде тянулась узкая светлая полоса. Там не было ни пены, ни грязи. Вся взвесь уходила к правому берегу.

— Левее середины. Где чистая вода.

Мара повторила Дареку. Ним измерил глубину в этой полосе.

Шесть.

Леван выдохнул. Судно скользнуло между веткой и чёрным берегом. В этот момент сзади донёсся удар, такой тяжёлый, что он почувствовал его ступнями.

Руль дёрнуло. Дарек потерял опору, встал коленом на настил и потянул рычаг обратно. Судно начало разворачивать.

— Запасную на корму! — крикнула Мара.

Бран уже бежал туда с толстым канатом. Он и Йор выбросили за борт короткую балку, закреплённую на двух концах. Ним оставил груз и бросился им помогать. Тавия встала вместо него у носа.

Леван хотел пойти к корме, но Мара остановила его рукой.

— Здесь. Пеленг держи.

Чистая полоса была теперь в двух шагах от левого борта. Он указал Маре, она отдала команду травить правый конец балки. Корма медленно выровнялась. Снизу доносился стук: Бран, вернувшись к люку, забивал клинья.

Удар повторился, слабее первого. Леван вцепился в поручень. Над водой совсем близко прошёл выступ Теснины, и одна из длинных веток хлестнула палубу. Сухие листья попали ему в рот.

За кормой пираты убрали парус. Их низкое судно развернулось боком, нос приблизился к Угольному. Стоявший впереди человек поднял руки. Что он кричал, Леван не услышал.

— Четыре и три четверти! — выкрикнула Тавия.

Дальние каменные ворота стали шире. «Ласточка» почти выбралась, но течение снова повело корму к правой стороне. Канат на запасной балке натянулся. Йор отступил на шаг, обмотал его вокруг столба, и Леван увидел, как белеют его костяшки.

Мара схватила второго матроса за плечо:

— Ос, помоги ему!

Тот бросился к концу. Дарек держал повреждённый руль, не делая резких движений.

Леван указал на край Теснины. Ещё немного левее — и они выходили. Капитан перенесла вес на левую ногу, словно могла подвинуть судно своим телом.

Ветер ударил в малый парус. Нос поднялся на короткой волне, прошёл над светлым гребнем и вышел из мутной воды.

За кормой Теснина закрыла чужое судно. Остались видны только мачты.

Тавия в последний раз бросила груз. Верёвка шла вниз долго. На дне был мягкий ил.

— Глубина, — сказала она, уже не крича.

Мара держала руку на поручне, пока судно не отошло от берегов на полмили. Затем велела всем оставаться на местах и пошла к люку.

Леван спустился вслед за ней. Внизу было мокро. Бран стоял по щиколотку в воде; его правая ладонь была обёрнута красной тряпкой. В левом боку корпуса темнела полоса, которую он закрыл паклей и тонкими клиньями. Через шов всё ещё сочились.

— Руль задел камень сзади, — сказал он. — Рычаг цел, снизу разошлось крепление. За руль тянуло корму, нас прижало и боком. Держаться можно, но тяжело.

— Борт?

— До тихой воды дотянем. Потом нужно разгрузить левую сторону и осмотреть.

Рута стояла у дальней бочки. Из-под неё текла чистая вода. На двух клёпках была свежая светлая полоса: когда корабль ударило, сорвалось крепление грузового ящика. Он расколол бочку, а сам лёг на вторую и продавил крышку.

Рута прикрыла пробоину ладонью, хотя спасти там почти ничего не осталось.

— Две, — сказала она. — Почти две бочки.

Мара посмотрела на ящик.

— Семена сухие?

— Верхний мешок. Нижний посмотрим.

Леван помог поднять ящик. Бран одной рукой установил под него подпорку. Потом выпрямился и сделал вдох сквозь зубы.

— Рута, промой ему ладонь, — сказала Мара. — Кто ещё?

Йор оцарапал плечо, когда упёрся в повреждённый борт. Ним обжёг верёвкой оба запястья. У остальных были ушибы. Никто не пропал.

Когда Леван поднялся наверх, Тавия сверяла положение островов. Теснина уже перекрывала Угольный наполовину. Пиратских мачт не было видно.

— Не пошли дальше, — сказала она. — Или сели.

— Не будем возвращаться проверять?

Она посмотрела на его мокрые сапоги.

— Нет.

Мара разложила карту. Дарек подошёл, удерживая правую руку левой: судорога ещё не отпускала пальцы.

— Где ремонт? — спросила капитан.

Тавия показала южный изгиб Угольного. За широкой полкой лежала неглубокая бухта, открытая в сторону от Теснины. Там соседний берег не мог прижать их к камню. Но добраться до неё сейчас значило обогнуть четверть берега с повреждённым рулём.

Леван начал считать. Подставил скорость, ещё раз проверил часы и понял, что не сможет обещать проход: они больше не знали, сколько хода сохранит судно.

— Могу дать положение бухты, — сказал он. — Время до неё — только после того, как узнаем, как держит руль.

Мара посмотрела на Дарека.

— На балке вытянем, — ответил тот. — Поставим по двое на концах. Если берег не поползёт на нас снова.

Тавия указала на чистую полосу воды вдоль внешнего берега:

— С этой стороны ему не с чем сходиться. Опасный край оставим за кормой.

Леван молча поставил на карте ещё две точки и записал рядом с ними время. Под расчётом закрытия узкого он провёл черту. Расчёт не был бесполезен: без него они бы вообще не подошли к островам. Но безопасную полосу им показал промер Нима, и удержали её руки Йора, Оса и Дарека.

Он собрал листы и пошёл помогать выбирать конец запасной балки. Ос подвинулся, давая ему место.

Тянуть оказалось труднее, чем Леван ожидал. Через несколько минут плечо заныло. Он поменял руки и продолжил. Из люка доносились удары колотушки, которыми Бран уплотнял последний шов.

Глава 6. Долгая стоянка

В бухту вошли к полудню. Леван к этому времени перестал чувствовать ладони. Кормовая балка позволяла удерживать направление, но требовала работы даже тогда, когда судно шло прямо. Ос и он сменялись с Йором и матросом по имени Фенн; Дарек не выпускал рычага, хотя повреждённый руль всё меньше помогал.

Угольный нависал над бухтой низкой каменной полкой. На внешнем краю росла трава, глубже стояли чёрные плоские валуны. Деревьев не было. Тавия измерила грунт, нашла цепкий песок и велела отдать якорь.

Судно медленно повернулось по течению. Мара посмотрела на берег, на якорный канат, потом на часы.

— Одну стражу на осмотр. За это время скажешь, держим срок или нет, — сказала она Брану.

Тот поднял перевязанную ладонь.

— Сначала будет работать чужая рука.

Леван вызвался, ещё не зная, на что соглашается.

Они перенесли часть груза с левой стороны на правую. «Ласточка» накренилась, подняв повреждённый шов ближе к поверхности. Рута разложила мешки на сухих досках. Четыре оказались влажными с одного края; она велела Ниму развязать их и пересыпать семена тонким слоем. Горькая кора уцелела, её держали выше.

Остальные поставили помпу и подавали Брану инструменты. Чтобы добраться к нижнему креплению руля, опустили за кормой маленькую рабочую площадку на верёвках. Бран сел на неё, привязался, опустил ноги в воду и велел Левану передавать то, что назовёт.

Сначала нужен был скребок. Потом щипцы. Потом узкая дощечка, которую Леван принял за клин.

— Она должна согнуться, — сказал Бран. — Клин раздвигает, эта держит вместе.

— Извини.

— Не за что. Просто не забей её, когда отвернусь.

Леван держал площадку у борта. У Брана под повязкой опять выступила кровь. Плотник работал левой рукой, правой только придерживал, и от этого каждое движение занимало больше времени.

— Мы успеем? — спросил Леван.

— С двумя руками быстрее. С одной — к вечеру. На новый руль здесь дерева нет, поставим скобу и не будем резать большие углы.

— Это моя поправка...

Бран поднял голову.

— Руль задел камень. Ты показал воду, Тавия промерила, Мара выбрала. Не забирай всю работу себе.

Он попросил новую дощечку. Леван подал правильную.

К концу стражи крепление удалось осмотреть. Нижняя петля треснула, но не сорвалась. Бран предложил стянуть её запасной железной скобой и укрепить дубовыми накладками. Этого хватало, чтобы дойти до Келла без новой теснины. Шов борта после разгрузки тек меньше. Его можно было уплотнить до выхода, а окончательно починить уже на сухом причале.

Мара приняла этот план. Дарек пересчитал доли работ, назначил по две смены на помпу и велел отдыхать тем, кто не нужен. Он произносил имена, и Леван впервые соединил с именами все лица на палубе: молчаливый Ос, Фенн с серебряным кольцом в ухе, плечистый Кай, которому досталась самая мокрая часть трюма, и Силь — невысокая женщина, работавшая со снастями. С капитаном, Тавией, Дарekom, Руткой, Браном, Йором и Нимом их было одиннадцать.

Леван отмыл руки и принёс Брану новую повязку. Рута осмотрела порез, промыла кипячёной водой и предупредила, что утром проверит снова. Плотник позволил ей завязать узел, но от отдыха отказался.

— По пальцам буду помнить, — сказал он. — Утром не переделаю так быстро.

Под вечер Тавия спустила шлюпку для промера бухты. Мара разрешила взять Левана и Оса, но приказала не терять судно из виду. Пираты могли оказаться у противоположного конца острова, и никто не знал, насколько повреждено их судно.

В воде возле берега светились тонкие зелёные нити. Они лежали внутри чёрного камня, а наружу выходили только на разломах. Леван видел жилы плавня раньше, но всегда с высоты корабельного борта. Здесь можно было протянуть руку и коснуться их.

Тавия остановила шлюпку.

— Не бери обломки. Старый камень оставит грязь, свежий обожжёт.

— Знаю.

— Это я Осу.

Матрос, уже поднявший багром кусок породы, скинул его обратно.

Из-под воды донёсся низкий звук. Он был так слаб, что сначала Леван принял его за скрип уключины. Тавия приложила ладонь к борту шлюпки.

— После соединения громче, — сказала она. — Жилы тянут. Рыба здесь не держится.

Плавень делал каменные основания легче воды, пока оставался связан с цельной жилой. Отбитый кусок быстро терял силу и становился обычным тяжёлым камнем. Поэтому ни один морской мастер не мог построить из него свободно плавающий дом, хотя на каждом крупном острове рассказывали о человеке, который вот-вот это сделает.

Леван вынул часы. Свет в жилах усиливался и слабел. Он ждал обычного короткого ритма, который на Устье отмечали во время прилива, но между двумя яркими вспышками прошло больше времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.